

ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ САМОКРИТИКИ: МЕЖДУ ОСЕДЛЫМ И КОЧЕВЫМ NOMOS

Е.Н. Болотникова

Автономная некоммерческая организация высшего образования Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», Самара, Россия

Для цитирования: Болотникова Е.Н. Опыт философской самокритики: между оседлым и кочевым nomos // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 7–8. С. 29–34. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.29-34>

Поступила: 12.11.2021

Одобрена: 21.11.2021

Принята: 30.11.2021

▪ Статья посвящена анализу философского дискурса. Опираясь на методологический подход Ж. Делёза, автор рассматривает философскую работу в двух перспективах: оседлый и кочевой nomos. В первой проекции философия устанавливает базовые конструкции, сюжеты, темы, во второй осуществляется деятельность смещения, сдвига, игры со смыслами и значениями. В первой проекции философы следуют античному призыву «Познай себя», во второй реализуется девиз «Позаботься о себе». «Оседлый» и «кочевой» nomos взаимно обуславливают друг друга. Каким образом происходит их взаимодействие в философском дискурсе автор показывает, обращаясь к наследию И. Канта, теории К. Маркса, учению Ф. Ницше. В заключение устанавливается, что залогом преодоления временной и пространственной обусловленности философской мысли является её существование на границах.

▪ **Ключевые слова:** критика; пространство; nomos; забота; значение; смысл.

EXPERIENCE IN PHILOSOPHICAL SELF-CRITICISM: BETWEEN SETTLEMENT AND NOMADIC NOMOS

E.N. Bolotnikova

International Market Institute, Samara, Russia

For citation: Bolotnikova EN. Experience in philosophical self-criticism: Between settlement and nomadic nomos. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(7-8):29–34. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.29-34>

Received: 12.11.2021

Revised: 21.11.2021

Accepted: 30.11.2021

▪ The article is devoted to the analysis of philosophical discourse. Based on J. Deleuze's methodological approach, the author examines the philosophical work in two perspectives: sedentary and nomadic nomos. In the first projection structures, plots, themes are established, in the second, the displacement, shift, significance, playing with meanings happen. In the first projection, philosophers follow the ancient motto "Discover yourself", in the second – "Take care of yourself". "Sedentary" and "nomadic" way make conditional on each other. The author shows their interaction in philosophical discourse, referring to the works of Kant, K. Marx and Nietzsche. In the conclusion, it has been established that the existence at the borders turned out to be the key to overcoming the temporal and spatial conditionality of philosophical thought.

▪ **Keywords:** criticism; space; nomos; care; significance; meanin.

Современность имеет множество характеристик в гуманитарном дискурсе, число их множится с каждой монографией и статьёй, и, вероятно, можно составить отдельную книгу о том, что означает современность. Мы остановимся на утверждении З. Баумана, который выделяет такую черту, как текучесть, изменчивость, подвижность всех компонентов социальной жизни, как в общественной, так и в индивидуальной перспективах

[2, с. 12]. Обратим внимание на так и не сбывшееся обещание Канта о скором наступлении просвещённого века, который должен был прийти на смену веку просвещения [8, с. 33]. Определим, что «вечные» вопросы о свободе и ответственности в современных условиях развития технологий и информатизации общества получают новых акторов, таких как google-автомобили, роботы, искусственный интеллект, боты и др., но, судя по всему,

по-прежнему остаются нерешёнными. Каждая из этих характеристик может быть прочитана как своего рода «подрыв» философского дискурса, в чьи приоритеты со времён Сократа входит поиск устойчивых оснований бытия, формулировка и решение жизненно значимых проблем, развитие рефлексивного мышления и отношения к действительности. В этих условиях отметим, что философия продолжает существовать и даже увеличивает степень своего влияния на общественное сознание. Университеты продолжают выпускать бакалавров и магистров, расширяя набор философских профилей и специализаций, философская терминология в популярных лекциях на любые темы составляет до половины контента, защищаются диссертации, а книжные полки он- и офлайн-магазинов переполнены броскими заголовками типа «Философия фитнеса», «Философия успеха», за которыми едва просматриваются труды классиков и сюжеты платоновских диалогов. Как и за счёт чего философский дискурс сохраняет свою жизнеспособность, вновь и вновь формулируя «вечные» вопросы, не давая на них точных ответов, изредка участвуя в политической борьбе и практически не привлекая популистские инструменты? На каких основаниях держится философский дискурс? Что такого специфического мы можем увидеть в философском знании, что позволяет ему сохранять свою жизнестойкость в условиях «текучей» современности?

Попытка ответить на эти вопросы может быть самой приблизительной и вместе с тем входит в пул постоянно возобновляемых философских тем. Как минимум две сквозные черты философского дискурса, характерные для всей его длительной истории, обращают на себя внимание. Во-первых, это постоянная борьба за приоритетное место в общественном сознании. У самых истоков этой борьбы — обывательское мышление, в истинности которого так усердно, но безуспешно старались убедить ещё Сократа его многочисленные оппоненты. Затем, параллельно с обывательским скепсисом, на арену последовательно вступали математика, религия, астрономия, физика, биология, социология, психология и инженерные дисциплины. В наши дни в ответе на вопрос «Кто первый?» борьба ведётся из лагеря наиболее оснащённого технологическими решениями кооплекса виртуалистики и медиа. На противоположном полюсе актор не меняется — философский дискурс, и если внимательно присмотреться к истории возникновения и формирования «противников», то окажется, что для каждого

из них философия создавала пространства и условия для развития, в борьбе с ней росли эти направления и практики мышления. Вступление в открытую конфронтацию с философией для этих дисциплин означало своеобразную сепарацию, эмансипацию и становление автономной сферой мышления и практики. Впоследствии мирное сосуществование приводило к взаимному обогащению бывших оппонентов и позволяло философии аккумулировать силы для встречи новых «противников». Широко известный сюжет с требованием З. Фрейда «провести психоанализ всех философов с тем, чтобы наконец понять все истоки их рассуждений» служит одним из аргументов в этом случае.

Ещё одна сквозная черта истории философского дискурса — состояние обвиняемого. Основная претензия заключается в созерцательном характере философии. Нежизнеспособность, несоответствие практическим нуждам и потребностям людей, описательный, а не учреждающий характер философских тезисов и идей и, как следствие, отказ от освоения вершин философской мысли. Трудно, если вообще возможно, найти в истории философии такого мыслителя, который бы не стремился опровергнуть претензию в «отрыве от действительности» в своих текстах. От Р. Декарта и Г. Гегеля до Э. Гуссерля, Ж. Деррида, а в наши дни в текстах Ю. Грэхема и Ю. Харари мы видим такие инструменты и примеры, которые не только описывают реальность, но и вскрывают способы её понимания, функционирования, определяя места и возможности индивида в действительном мире. Стратегии действия и ответственность за мир, определяемые философскими теориями, безусловно, не всем под силу, но это вовсе не означает, что они лишь плод богатого воображения и «чистый» полет фантазии.

Итак, специфические характеристики современности, наплавающиеся на состояние обвиняемого и перманентные «военные действия» составляют особый ракурс анализа философского дискурса, настраивают оптику ответа на старый вопрос: как это возможно? Почему философия по-прежнему жива, не списана в архив и коллекцию редкостей за ненадобностью? Что позволяет философии сохранять свой голос, создавать актуальные и значимые теории? В чём секрет жизнестойкости философии?

Наша гипотеза заключается в том, что философия, во-первых, создает рефлексивные инструменты анализа мира, во-вторых, изменяет создаваемые инструменты к собственному содержанию. А для этого ей необходим

критический настрой. Философия, как ответственный исследователь в любой научной области, апробирует созданные инструменты, и сама для себя выступает первым экспериментальным полем.

Аргументы просматриваются у истоков зарождения греческой философии, когда, как отмечает М. Фуко, сначала рядом с девизом «Позаботься о себе», а затем и на его место встаёт motto всей европейской философии «Познай себя» [13]. Интеллектуальная работа с установкой «забота» активизировалась во второй половине XX в., сначала благодаря вниманию к заботе со стороны М. Хайдеггера [14], а затем благодаря историко-философским реконструкциям П. Адо [1] и археологическим «раскопкам» и генеалогическим проектам М. Фуко. Ныне тема заботы занимает одно из ведущих мест в гуманитарном дискурсе, получая психологическую, социологическую [9], педагогическую проекции. Для философии значимым выступает искусство балансирования между этими установками, которое позволяет преодолевать барьеры абстрактное/конкретное, индивидуальное/коллективное, теоретическое/практическое, инновационное/традиционное и др. Движение между установками «познать» и «позаботиться», на наш взгляд, позволяет философии сохранять значение и смысл как для каждого конкретного человека, так и для общества и истории в целом, проблематизируя смысл и значение и определяя их в конкретных историко-культурных условиях.

Очевидно, что «себя» в формулировках этих философских установок не может быть случайным совпадением. Мы считаем, что возвратное местоимение «себя» может быть понято как в индивидуальной перспективе, когда мыслитель описывает собственные впечатления (например, Р. Декарт в «Рассуждениях о методе»), так и в обобщённом виде (М. Фуко). Таким образом, «себя» не сужает, а расширяет спектр философских интуиций и задаёт пространство философского дискурса.

Философы работают в перспективе установок «Познай себя» и «Позаботься о себе», производя трансформации (рождение, перестановка, смещение, соединение, разделение и др.) фигур мысли в режимах, которые Ж. Делёз в «Различии и повторении» назвал «оседлый potos» и «кочевой potos» [5]. Первый режим из названных описывает пространство познания и практического действия, в котором распределение поверхности происходит посредством жёсткой фиксации пределов, границ. Организация порядка и структура этого potos напоминают

устройство внутреннего убранства любого традиционного дома, где у каждого предмета есть свой статус и одно раз и навсегда закреплённое значение и способ использования. Это даже скорее не пространство, а территория, в которой устоявшийся неизменный пейзаж, иерархичный порядок и принципиальная неизменность, невозможность изменений. Как это относится к философскому дискурсу? «Оседлый» potos в философии — это свай институциональных теорий, «ключевые» слова масштабных концепций, идей, метафоры и образы, схемы, которые составляют своеобразный каркас в сознании и мышлении самих авторов, и одновременно предстают как «осадок» в сознании аудитории этих мыслителей. Распределение смыслов и значений в «оседлой» территории таково, что невозможно изъятие, перемещение, трансформация, в противном случае неизбежен распад всего смыслового пространства. Мы знаем множество тому примеров из истории философской мысли, среди которых доказательства бытия Бога Ф. Аквинского, «призраки» Ф. Бэкона, звёздное небо над головой и нравственный закон внутри И. Канта, базис и надстройка К. Маркса, «кочерга» Л. Витгенштейна и др.

Второй режим распределения смыслов и значений в философском дискурсе, «кочевой» potos характеризуется принципиальной подвижностью, изменчивостью, текучестью. Смыслы и значения в этом режиме как бы не занимают места, а беспрестанно обыгрывают их, играют местами, которые могут занять или освободить. В противоположность законам арифметики, здесь можно зафиксировать тот случай, когда от перемены мест слагаемых сумма меняется и рождается совершенно новое, ранее не видимое пытливому философскому уму. «Здесь уже больше нет раздела распределяемого, но, скорее, распределение распределяющихся в пространстве» [5, с. 55], — так описывает «кочевой» potos Ж. Делёз. Ключевые понятия, сюжеты, смыслы высказываний, как и собственно сами значения слов в этой территории, предстают как элементы игрового процесса, границы и порядок игры устанавливаются при этом каждый раз заново. Это игра не на победу. Суть её не в том, чтобы одержать верх над кем-то, кто уже давно закончил создание своей теории, но в том, чтобы создавать новое пространство, ареал обитания новых идей, концептов, смыслов. В этом кочевье рождается простор, где индивид и мир, где способы самопонимания и осмысления, где процессы и узнавания, и заботы бытуют совершенно иным образом, чем в «оседлом» режиме.

«Кочевой» *potos* философского дискурса вовсе не итог длительного скучания философского ума, не художественный вымысел или литературная метафора, но реальность, в которой слово имеет перформативный характер. Объектами смещения, сдвига, игры, переформулировки выступает содержание «оседлого» *potos*.

Мыслитель, решающийся произвести сдвиг в устойчивом корпусе теории, может затрагивать лишь малую часть, может претендовать на пересмотр всей фундаментальной конструкции, но в любом случае он занят тем, что отправляется «кочевать» с устойчивыми значениями, так возникает сама возможность новых смыслов, значений, подходов и др. Это и есть опыт самокритики в философском дискурсе. Впоследствии «кочевник» может «осесть», но философский путь продолжит следующий рискующий мыслитель. Балансировка, танец, искусство лавирования между традиционным и новым требует от мыслителя как экзистенциальной вовлеченности в дело, так и колоссальной компетентности. Критический настрой — вот то, что позволяет состояться такой трудной работе.

Рассмотрим предметно понятие «критика» в философском дискурсе с учётом всех названных обстоятельств. Для классической философии апологет этой установки — И. Кант. Критиковать для него — значит «раскапывать» основания и отвечать на вопрос «Как возможно?» Трудно переоценить значение критики для философских рассуждений великого немецкого мыслителя: «Одно несомненно: кто раз отведал критики, тому навсегда будет противен всякий догматический вздор, которым он прежде должен был довольствоваться, не находя лучшего удовлетворения для потребностей своего разума» [7, с. 190]. Определённость ответа на вопрос о возможности связана с априорными аналитическими и апостериорными синтетическими суждениями, но существенные затруднения возникли с определённой априорных синтетических [7, с. 90–91]. Несмотря на прошедшие 200 лет, задача поиска условий возможности априорных синтетических суждений так и не решена. В этой коллизии налицо одновременно «оседлый» и «кочевой» *potos*, последний ускользает и тем самым составляет поле для игр разума и квинтэссенцию интриги кантовского философского наследия, точку, из которой разворачивается пространство для новых открытий, игры значений и смещений.

Значительный вклад в критику философии и богатый опыт самокритики принадлежит

К. Марксу. Фундаментальный анализ социально-экономических отношений середины XIX в. является базой марксистской теории, ключевыми словами в которой выступают «базис», «надстройка», «труд», «прибавочная стоимость» и др. Отметим, что Маркс, занятый созданием «всесильного и верного» учения, предостерегал от абсолютизации критического подхода [10]. Он утверждал, что «..критика не есть какая-то абстрактная, потусторонняя личность, стоящая вне человечества; она — действительная человеческая деятельность индивидуумов, являющихся активными членами общества, которые, как люди, страдают, чувствуют, мыслят и действуют» [10]. Иными словами, критика — это не только работа с чистыми понятиями, но и практическая жизнедеятельность людей, проявляющая в конкретных актах действия. Отсюда очевиден «практический» поворот, который совершает Маркс в философии. История марксистского наследия в философии может служить ещё одной иллюстрацией соотношения «оседлого» и «кочевое» *potos*: постулаты его социально-экономической теории наряду с призывом «изменить мир» как бы «осели» в фундаменте философского дискурса, тогда как собственно критика капиталистических отношений волнообразно заполняет собой общественное сознание, фиксируя новые вызовы, риски и прорывы социальной жизни.

Не будет преувеличением утверждать, что Ф. Ницше — самый жёсткий критик философии, культуры и общества на рубеже XIX–XX вв. Открытая им «школа подозрения», требование «переоценки всех ценностей», самокритика в публичном пространстве [12, с. 48–57] осуществляются через апелляцию к нигилизму. Многочисленные трактовки нигилизма в целом могут позволить его определить, как такую мыслительную процедуру, установку сознания, которая приводит через отрицание к стагнации жизненных волевых начал бытия. Остановка, тотальная статика характеризует мир нигилизма: территории размечены и заняты, движение невозможно, ценности в иерархии и более никак не существуют, вершиной этой иерархии выступает такой же неподвижный абсолют. «Иллюзия опоры на рисованные идеалы обманывает обманутых», — отмечает в этой связи В. Библихин [3, с. 331]. Тотальность «оседлости» как в теоретическом, так и в практическом отношении вызывает не просто критику, но бурный протест Ф. Ницше. Освобождение от «антижизни», производимой нигилизмом, — главная задача его философии. Он не останавливает

ся на раскапывании оснований «антижизни», но предлагает другую оптику видения мира, устанавливает возможность иного соотношения пространства и времени, бытия и становления, утверждения и отрицания.

Блестящие перспективы рисует философ тому, кто отважится на сдвиг, смещение, трансформацию устойчивых образцов: философия станет опознаваема как «весёлая наука», культуре будет вновь возвращена подвижность и лёгкость, а индивиду будет по силам принять иного рода тяжесть — величайшую тяжесть «вечного возвращения» [11, с. 660]. В философии Ф. Ницше, взаимно переплетаясь и освобождаясь друг от друга оседлый и кочевой *potos* составляют ткань вечно становящегося, но никогда не ставшего равным самому себе бытия, ибо «не живёт лишь то, что остаётся равным самому себе» [6, с. 194].

Разбор знаменитых критиков философии — задача, оказавшаяся посильной для французского мыслителя Ж. Делёза. В «Логике смысла» автор предпринимает попытку, в том числе, и избавиться от «смертельной серьёзности», характеризующей философию И. Канта. Теория капитализма получает новое прочтение и радикально трансформируется в «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения». Основательный разбор возможностей игры и лёгкости мысли Ницше представлены в одноименной книге Ж. Делёза. Подробный анализ этих произведений не входит в решение нашей исследовательской задачи, но можем утверждать, что все эти тексты связывает не только единое авторство. Автор воплощает в философской работе «кочевой» *potos*, не оставляя камня на камне от «оседлого». Благодаря Делёзу голос философии обрёл в XX в. лёгкость и блеск; идеи и сюжеты, им формируемые, предстают пред нами словно произведения искусства, что он сам вместе с Ф. Гваттари и утверждает: «...философия — это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [4, с. 10]. Эти произведения и идеи характеризуются бесконечным движением, природа которого не корпускулярная, а скорее волновая, движения анонимны и бестелесны, то есть не привязаны ни к каким субъектам, функциям, целям, а тем, кому удаётся рассмотреть эти произведения легко признать — это событие, а не вещь или сущность.

Опыт критической работы составляет нерв, суть философского размышления, каких бы тем оно не касалось. Фундаментальные направления философских рассуждений о красоте, морали, истине, обществе, бытии, политике

и других сферах, объединяет именно критическая установка, балансировка между оседлостью и кочевьем, готовностью отправиться в путь за новым, ещё не видимым, но уже намечаемым следом. М.К. Мамардашвили много говорил о «самопонятности» философии, о возможности её узнавания среди тысяч других текстов и одновременно о трудности формулировки того, почему философия узнаваема, очевидна даже для неподготовленного читателя, слушателя. Возможно ответ состоит в том, что решиться на рискованное существование, на бытие на границах между постоянным «раскапыванием» оснований и открытием новых пространств философия может как никто иной. И это производится тщательным усилием, кропотливой работой познания и заботы философии, в том числе, и о самой себе. Подавая пример самокритики другим отраслям познания, социальной практике и индивидам, философия продолжает дело, начатое Сократом, неизменно узнаваемая, критикуемая и онтически значимая.

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия? / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М., 1999.
2. Бауман З. Текучая современность: пер. с англ. / под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008.
3. Биbihин В. Ницше в поле европейской мысли // Ницше и современная западная мысль: сб. статей / под ред. В. Каплуна. СПб.; М., 2003.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.; СПб., 1998.
5. Делёз Ж. Различие и повторение; пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб., 1998.
6. Зотов А.Ф. Современная западная философия: учебник. М., 2001.
7. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант. И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1966. Т. 4.
8. Кант И. Что такое просвещение // Кант. И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. Т. 6.
9. Критическая социология заботы: перекрёстки социального неравенства: сборник статей / под ред. Е. Бороздиной, Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2019.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Корреспонденция критической критики [Электронный ресурс]. Святое семейство или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/holy_family/08.htm. Дата обращения: 10.04.2021.
11. Ницше Ф. Весёлая наука // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.

12. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
13. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2(65). С. 96–123.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.
7. Kant I. Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, mogushchei poyavit'sya kak nauka. In: Kant I. Sochineniya: v 6 t. Ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Ojzerman. Moscow; 1966. Vol. 4. (In Russ.)
8. Kant I. Chto takoe prosveshchenie In: Kant I. Sochineniya: v 6 t. Ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Ojzerman. Moscow; 1966. Vol. 6. (In Russ.)
9. Kriticheskaya sociologiya zaboty: perekryostki social'nogo neravenstva: sbornik statej. Ed. by E. Borozdinaya, E. Zdravomyslova, A. Temkina. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.)
10. Marks K, Enegel's F. Korrespondentsiya kriticheskoi kritiki [Internet]. Svyatoe semeistvo ili kritika kriticheskoi kritiki. Protiv Bruno Bauera i kompanii. Available from: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/holy_family/08.htm. Accessed: 10.04.2021. (In Russ.)
11. Nicshe F. Vesjolaya nauka. In: Nitsshe F. Sochineniya v 2 t. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1990. (In Russ.)
12. Nicshe F. Rozhdenie tragedii, ili ellinstvo i pessimism. In: Nicshe F. Sochineniya v 2 t. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1990. (In Russ.)
13. Fuko M. Tekhnologii sebya. *Logos*. 2008;(2(65)):96–123. (In Russ.)
14. Heidegger M. Bytie i vremya. Transl. from Germ. V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem; 1997. (In Russ.)

References

1. Ado P. Chto takoe antichnaya filosofiya? Transl. from French V.P. Gaidamak. Moscow; 1999. (In Russ.)
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. Transl. from Engl. Ed. by Yu.V. Asochakov. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.)
3. Bibihin V. Nitsshe v pole evropeiskoi mysli. In: Nitsshe i sovremennaya zapadnaya mysl': sbornik statei. Ed. by V. Kaplun. Saint Petersburg; Moscow; 2003. (In Russ.)
4. Delyoz Zh, Gvattari F. Chto takoe filosofiya? Transl. from French S.N. Zenkin. Moscow; Saint Petersburg; 1998. (In Russ.)
5. Delyoz Zh. Razlichie i povtorenie. Transl. from French N.B. Man'kovskaya, E.P. Yurovskaya. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.)
6. Zotov AF. Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Textbook. Moscow; 2001. (In Russ.)

■ Информация об авторе

Елена Николаевна Болотникова — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и правового обеспечения государственной службы. АНО ВО «Университет МИР», Самара, Россия. E-mail: vlad_lena@mail.ru

■ Information about the author

Elena N. Bolotnikova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department, Samara, Russia. E-mail: vlad_lena@mail.ru